

ЭЛЕН ДЕЛЬФОРЖ

КВЕНТИН ГРЕБАН

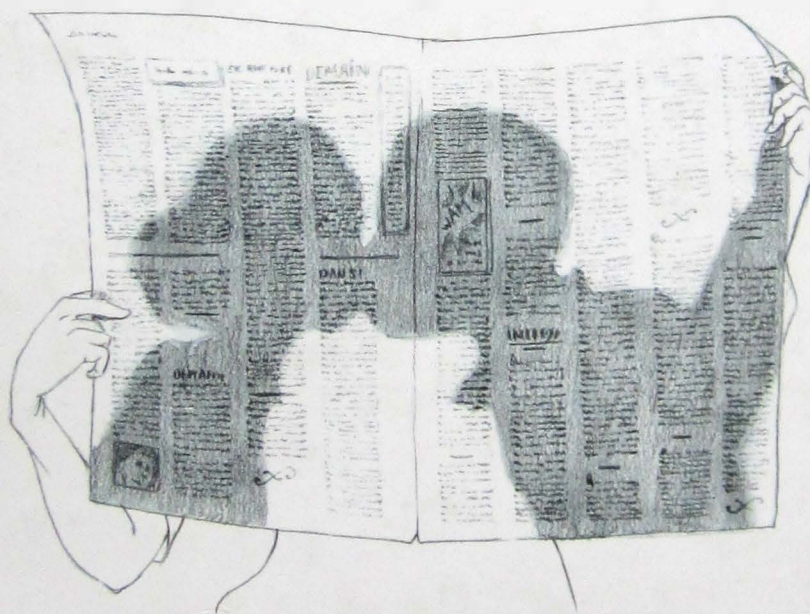
ВЛЮБЛЁННЫЕ

Как рождается любовь?
Что предвещает ее: случайная встреча, взгляд,
восхищение, узнавание? В считанные секунды
она способна соединить незнакомых прежде людей.

О любви говорят, во имя нее совершают подвиги,
ею живут и дышат. Потерять любовь можно так же мгновенно,
как и найти. Но порой она длится вечно.

Эта книга — гимн влюбленным.
По всей Земле, во все времена.

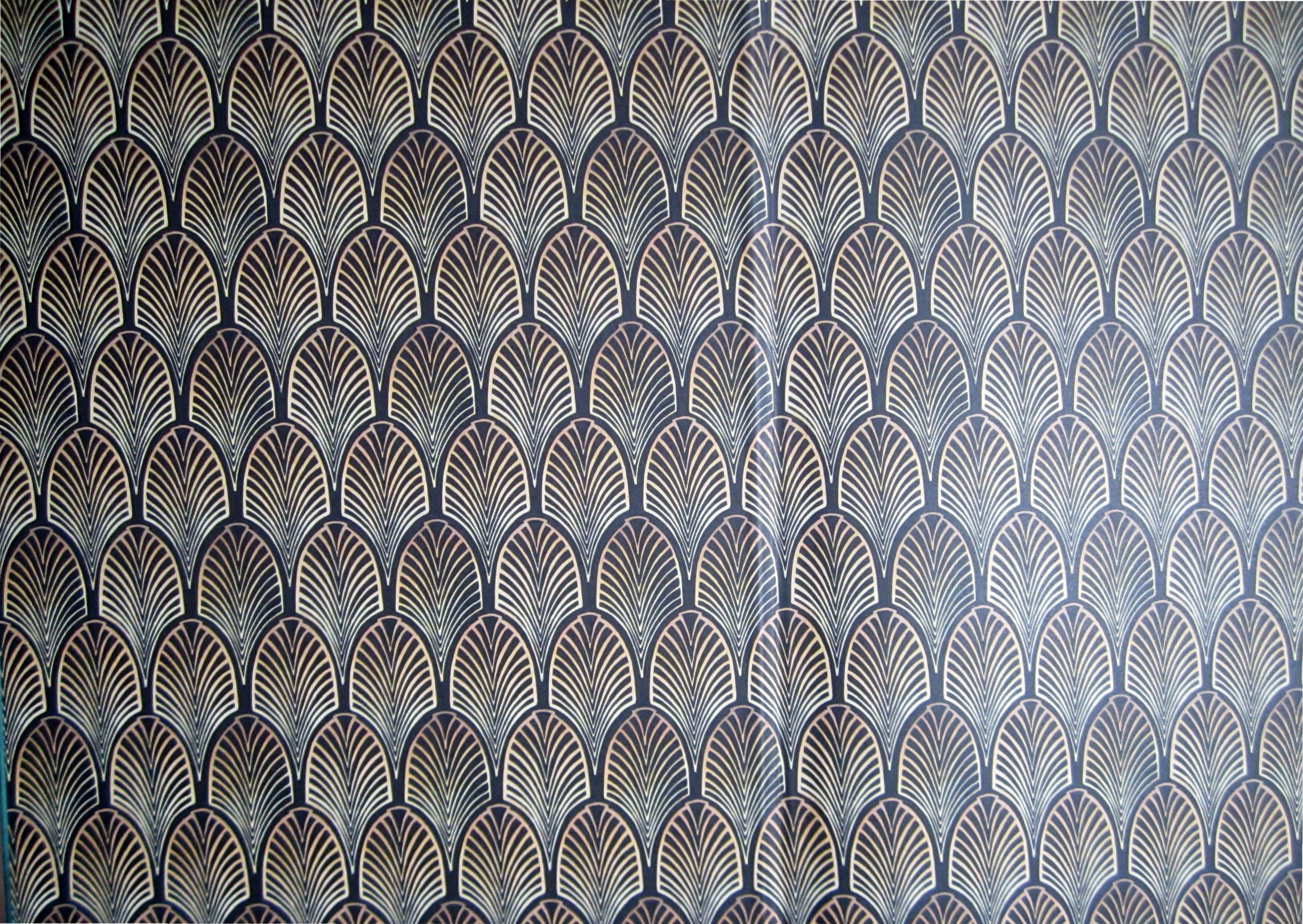
NoAge
polyandria

ISBN 978-5-6042676-1-5

9 785604 267615

18+

Для моей Розы...
Они всю жизнь оставались детьми,
а их собственные дети были очень счастливыми.
Квентин

Для Танги, просто потому что он Танги.
Элен

ЭЛЕН ДЕЛЬФОРЖ КВЕНТИН ГРЕБАН

ВЛЮБЛЁННЫЕ

Перевела с французского Ася Петрова

NoAge
polyandria

2020

В то утро...

Бородатый господин проводил время не один, а с дамой.
Восемь минут нежности перед тяжестью будничного дня.
Он опаздывал.
Это было неважно.

Дама в розовом клевала носом. Она не спала ночью,
у нее были дела куда интересней, точно-точно!
И это было неважно.

Девушка с собачкой считала. Двадцать восемь дней плюс десять.
Нет, плюс одиннадцать! Одиннадцать дней! В животе порхали бабочки.
Домой! Скорей! Скорей! Рассказать ему новость.
Она пропустила свою остановку от радости. Какая неловкость!
И это было неважно.

В то утро...

Воздух был напоен любовью, все заразились. Все до единого.
Ничто уже было неважно.

Как можно петь
о несчастной любви,
если живешь и дышишь?

Чтобы тебе понравиться, я...
Припудрила носик.
Подвела глаза и брови.
Заколола волосы семью шпильками.
Надела ожерелье из шестидесяти восьми жемчужин.
И платье с кружевом — сорок восемь сантиметров нежности,
Еще я повязала ленточку (а где — не скажу!).

Три пшика мускусных духов.
Триста двадцать семь граммов платья.
Час и тринадцать минут сборов.

Но, похоже, тебе хватило...
Моей улыбки!

Нету больше прошлого,
будущего нету,
есть лишь это, есть лишь это,
только ты и только я,
наши губы,
наши руки
и прикосновения.
Я твоя, я жива, я влюблена.
Я свободна!

Романтическая комедия...
Словно энциклопедия
волшебных, хоть и привычных мгновений.
К примеру, на катке
героиня поскалывается и внезапно повисает на руке партнера,
это первый контакт, премьера! И символ:
поддержка и вера.

Романтическая комедия...
Словно энциклопедия
шуток — перемазать носы краской,
ремонтируя новый дом, посмеяться.
Он внезапно достанет заветную коробочку с колечком.
Она шепнет: «Да».

The end.

В зале снова светло,
все лица в слезах,
зрители, надевая пальто, причитают: «Ах!
Какая романтика!»
И на улице дождь почти прекратился,
потому что прояснилось в головах.

Наша романтическая комедия продолжалась и после «Да».

Целых сорок три года.

Мы научились кататься по льду —
рука в руке.

До сих пор я иду с тобой в одном направлении.

Это тоже символ, символ доверия,
особенно если падаешь, —
есть за кого держаться.

За сорок три года
краска облупилась,
но кисточка сохранилась.

С тех пор наши носы повидали и белое, и черное,
у кого-то поседели усы, у кого-то волосы.
Волшебные года непрерывного «Да».

The end. Вчера.

Свет погас.

Будто мне не открыть глаза.

Ты не подашь мне пальто, мы не выйдем из зала.

На улице ливень пронизывающий, липкий,
словно змеиное жало,
я замерзаю.

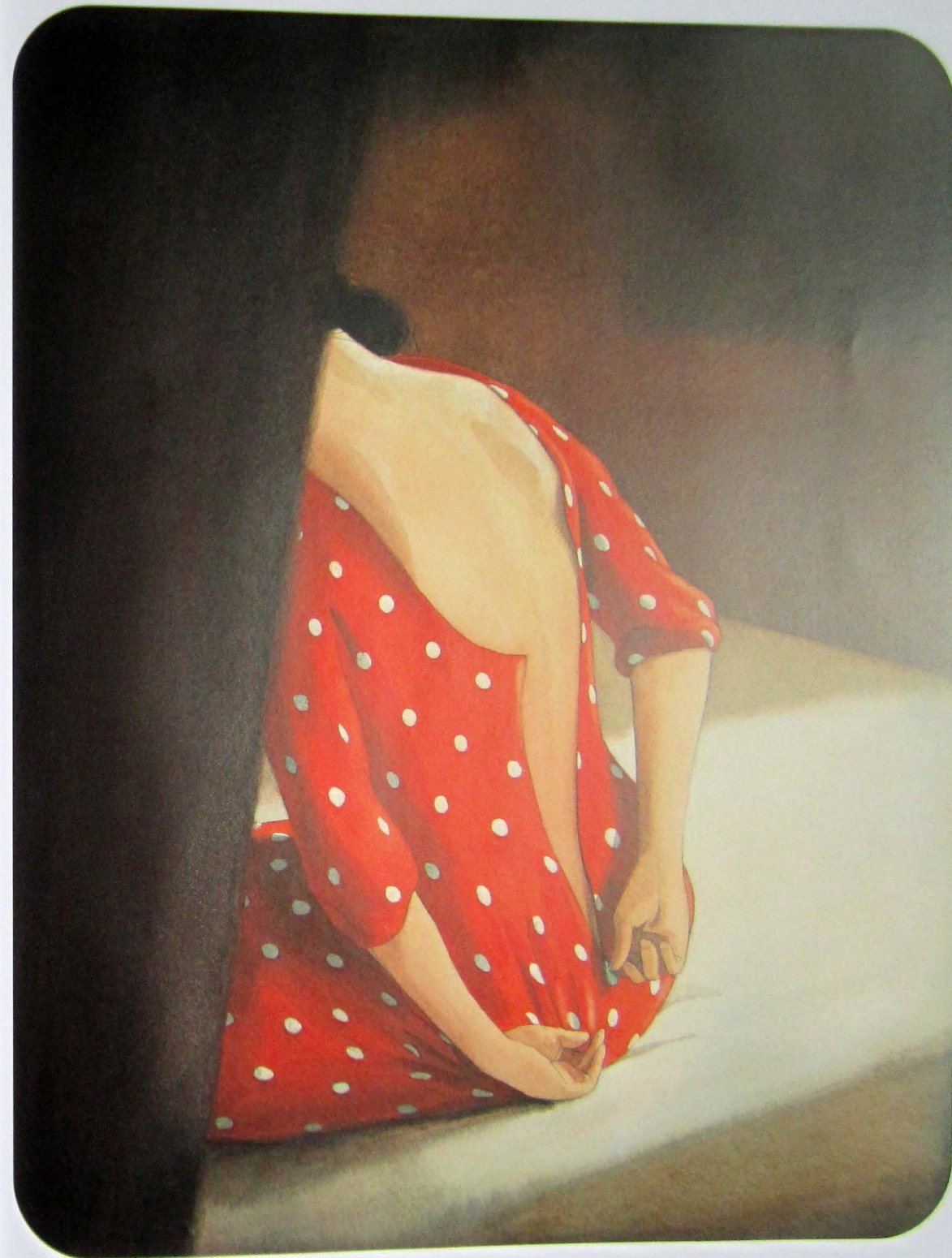

Позволь помочь,
молния точь-в-точь как ты, упрямища.
Осторожнее, пальчик поранишь,
плечо заболит или кисти рук!
Дай же я помогу, мой милый друг!

Что? Ты ее расстегнула?

Прости, я не рассчитывал на такие радости!

Вот и платье упало — оказалось, секундное дело.
Позволь покрыть поцелуями твое тело.

Мы склеили все кусочки,
восстановили картинку, вновь сплели пальцы,
но шрам все равно остался.

Фотография чудо, мы тоже.
Фотография рвется, мы тоже.
Фотография ценность, она уникальна,
мы тоже отнюдь не банальны.
Прикасайтесь к ней осторожно.
Она может рассыпаться.
Мы — тоже.

Теперь она в альбоме моей жизни навсегда.
Как и твое «Да».

Целую неделю ходил ко мне красавец молодой — хвост трубой.
 На барную стойку ставил локти, якобы смотрел меню,
 а на самом деле — глазел на меня:
 «Посоветуйте что-нибудь сладенькое?» —
 «Знаешь, я сама сладкая!» —
 «Вы мадемуазель Селеста, да?
 А я Шарли, как мило, ха-ха...
 Незабвенное имя Селеста,
 чистое, как небо.
 Вам идет. Эй, гарсон, принесите корзинку хлеба!
 Неделя содовой, кофе и донатсов...
 Этот молочный коктейль просто чума,
 хотите попробовать?» —
 «Да! Да-да-да!»
 Через пять минут он держал ее за руку,
 такие дела.

А я Аврора. Мое имя тоже как небо, знаешь?
 Обещанье рассвета, краски зари,
 пенье птиц...
 Шарли, тебе это только снится.
 На мне было синее платье, цветок в волосах.
 Помнишь? Помнишь? Неделю назад, Шарли.
 Вы пришли вместе
 пить коктейли, молочные коктейли — твои друзья их хвалили! Ах, Шарли!
 Лучшие в городе коктейли. Я не смела поднять глаза.
 Задышалась от счастья где-то там — на небесах.
 Затем явилась Селеста, вытерла стол,
 а я все глядела в пол, но украдкой за вами следила.
 Это было так мило. Она влюбилась. А я испарилась.
 Хоть я и начитанна, хоть я умна,
 хоть я и шутница, умею смеяться,
 и сердце мое заставляет биться... лишь любовь к тебе.
 Я пропала, увидев тебя.
 Почему?
 В это сложно поверить: я решила, что лучше страдать,
 чем совсем ничего.

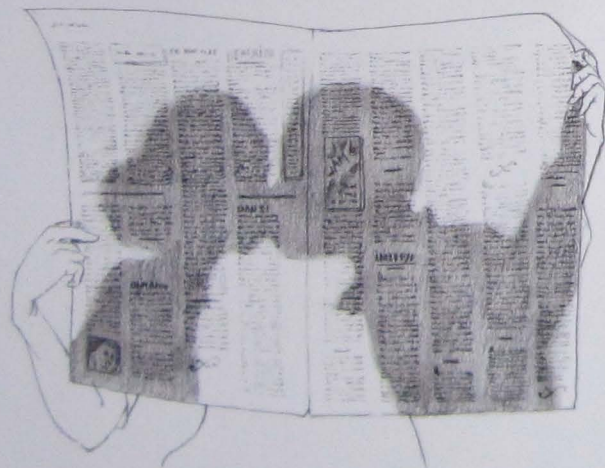
Стакан опустел.
 Вот и мое дно.

Если бы можно было решить,
что я уже писал тебе стихи,
что я уже носил тебе цветы,
конфеты, приглашал в концерт
и ждал,
надеялся,
не мог дышать...
Если бы можно было решить,
что я уже ухаживал три дня, дней пять,
два месяца,
и вот уже закончилась
вся эта околесица.
Я бы пошел прямой дорожкой,
от ножки вверх, все выше, выше,
до самых губ.
Они не лгут.

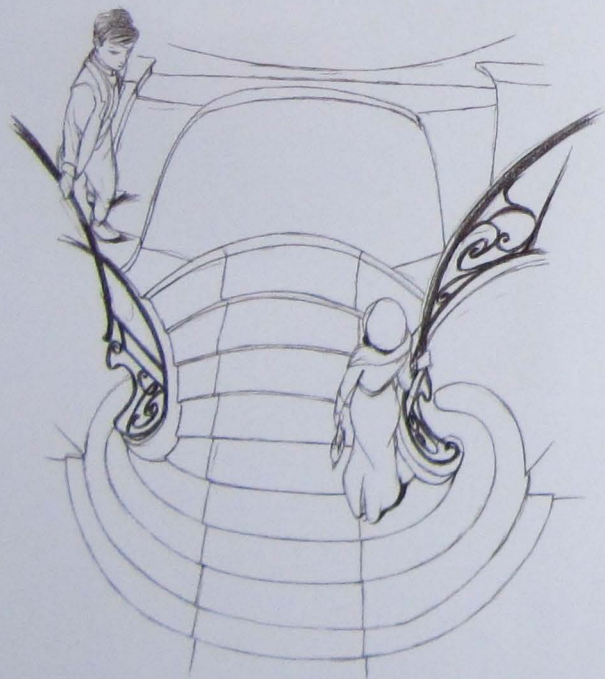

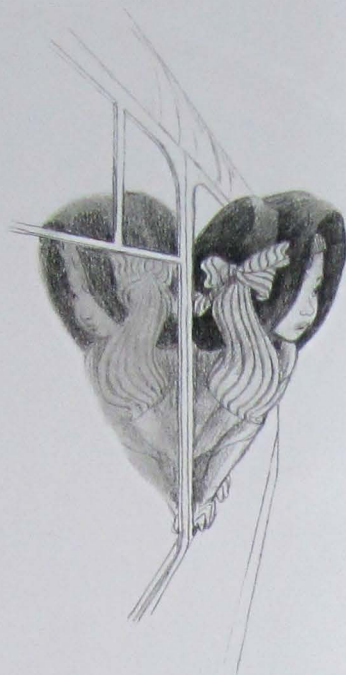
«Представь, ученые сказали: любовь живет три года». —
«Подумать только! А мы женаты целых тридцать лет!
Выходит, мне положен десяток ухажеров!» —
«Ну, дорогая, можно наверстать!» —
«Десяток! Не могу себе представить.
Ведь у меня их было и не сосчитать!
И я любила сотню, нет, не меньше: тебя, тебя, тебя —
тебя парнишку и тебя папашу.
Тебя, который мчится через весь город — мне за чашкой кофе.
Тебя любителя горячего печенья.
Тебя коллекционера всякой дребедени.
Тебя в рубашке беленькой в горох.
Тебя супруга, друга, любовника. Опять по кругу.
Ты понял...
О боже, я бы пропустила аж двадцать семь лет!
Триста шестьдесят пять завтраков умножить на двадцать семь,
триста шестьдесят пять утренних улыбок — умножить тоже...
и столько же утренних газет каждый год,
если не считать високосные.
Дай-ка поцелую ту ямочку, ее я, кажется, еще не целовала».

Я на наши свиданья всегда прихожу заранее.
Ради предвкушения.
Ради счастья — тебя подождать. И вот — ты идешь.
Хмуришь брови, волнуешься, что опоздала, ищешь взглядом меня.
Боишься, что потеряла. И вдруг, найдя, расцветаешь.
Ты таешь в моих объятиях. А я — от твоей улыбки.
Сияют глаза, сияет любовь: спасибо за встречу вновь.

Останься со мной на рассвете.
Моя жизнь уже...
в розовом цвете.

Ты свободна.
Однажды встретишь чудного друга или подругу.
Неважно.
Это случится в библиотеке, в кино, на пляже, в лесу, в электричке...
Неважно.
Главное — неожиданность.
Ты будешь свободной, влюбленной.
И жизнью не утомленной.
Я научил тебя читать, считать, писать,
я научил благодарить, любить и рисовать.
Мне так хотелось описать весь мир, всю красоту,
что я рассказывал тебе порою ерунду:
ну, например, менял концовки сказок про принцесс
и говорил, что принца ждать — губительный процесс.
Люби себя, иначе ты не сможешь полюбить
принцессу, принца, короля... Собою надо быть!
И, наслаждаясь каждым днем, не забывай о том,
что папа любит. Полюбил тебя давным-давным-давно.

«Все хорошо,
увидимся, когда вернусь.
Целую»

ОН

Всего один лишь поцелуй. И даже точки нет!
Наверно, в щеку поцелуй. Сплошная злость ее ответ!
Я знал, что должен был отправить другие письма, два других письма.
Она здесь целую неделю была одна... И получила от меня одно письмо.
Я жалок. Она права.
Три строчки черным написала.
Пытается мне дать понять, что я, глупец, не стою
ее мизинца, ноготка.
Закон не писан дуракам.
«Все хорошо» — о да, убить готова!
«Когда вернусь» — я не вернусь сюда!
Так понимать мне два последних слова? Или вернется? Но когда? Куда?
Она не думала, пока писала, злилась.
Имеет право.
Ну а если б я отправил письма и отправил розы, отправил шоколад? Пошли б дела на лад?
Попробую ее найти.
Но вдруг она уже не любит?
И скажет мне — уйди!

ОНА

Довольно просто и со вкусом.
Не слишком длинно.
И не слишком грустно.
Нельзя отпугивать мужчину,
писать о страсти, о любви:
«Увидимся, ты только жди!»
Как будто я с вокзала прямо к нему помчусь.
Так рьяно девушка за дело не берется.
В письме все четко и понятно:
целую — значит, я люблю.
Не ставлю точку — значит, все вернется!

Мы как фрагменты единого целого,
твой нос касается моего,
твой нос как мой, твои грудь и руки —
обнимают меня, и просто муки — расставаться с тобой.
Каждый твой пальчик — мой.
Наши ноги сплетаются,
дыханье одно на двоих,
мы с тобою как белый стих,
я кладу голову тебе на плечо — горячо.
Помню наше знакомство,
наши ладони встретились. «Как хорошо! —
скажу я шепотом. — Надо бы нас измерить.
Вдруг выпадет магическое число.
Например, восьмерка. Ведь мы сама бесконечность. Вечность!»
«Спи!» — говорю.
«Не могу. Слишком тебя люблю».

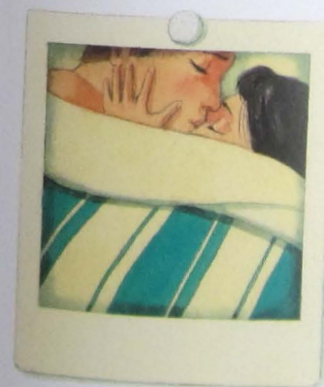
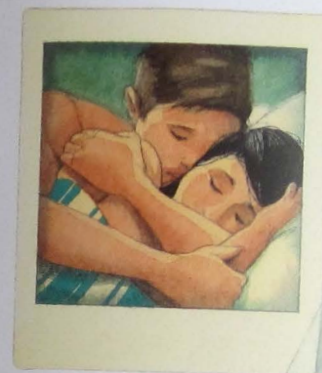
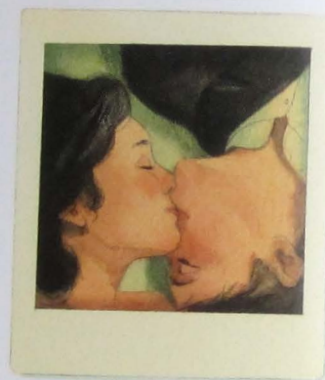
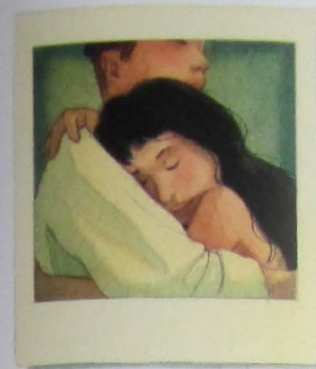
Рука влюбленного ласкает,
сжимает, гладит, обнимает,
щекочет, тискает, царапает (порой),
едва касается, массирует
и даже шлепает (ой-ой).
Но никогда рука влюбленного
не станет кулаком.
Хоть много кулаков кругом.

Рука подруги близко,
она поднимет вас с земли,
и вы останетесь одни,
сжимая кулаки.

Нет в кулаке любви —
сколько ее ни зови.

В тот вечер я зажгла свечи
и смотрела любимые фотографии наших первых встреч.

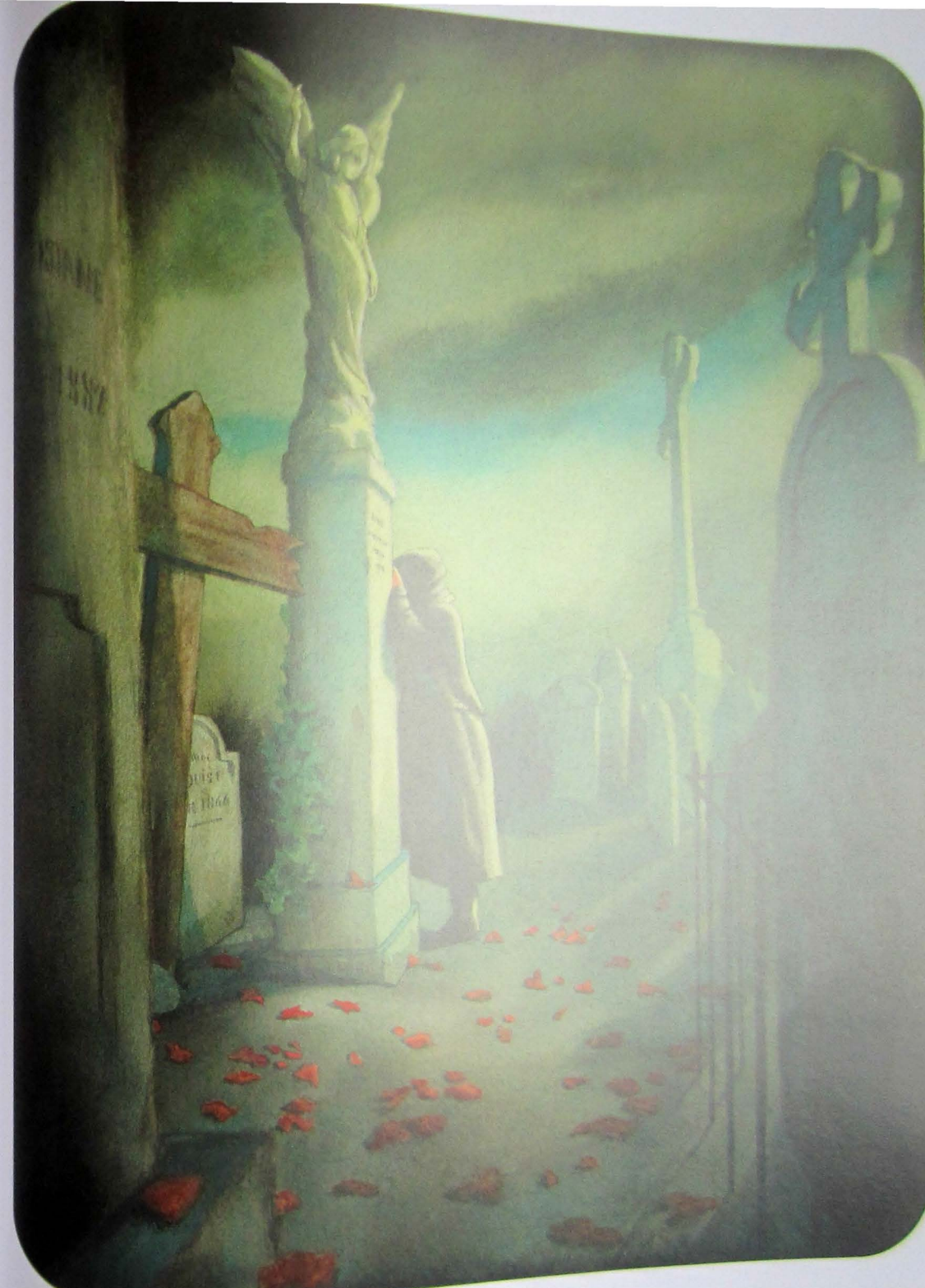

Никто так не бесил меня, как ты.
Твои причуды и твои носки. Те книги, что пылились в кабинете.
Твои слова, что я на ветер деньги бросила, купив
очередное платье без бретелек. И то, как телик
ты вечно по ночам смотрел. «Футбол! Футбол!» Достал твой гол!
Порой я прихорашивалась для тебя, но ты не видел,
я думала: специально или нет меня обидел?
Готова иногда была тебя убить — за крошки на столе и пятна божоле...

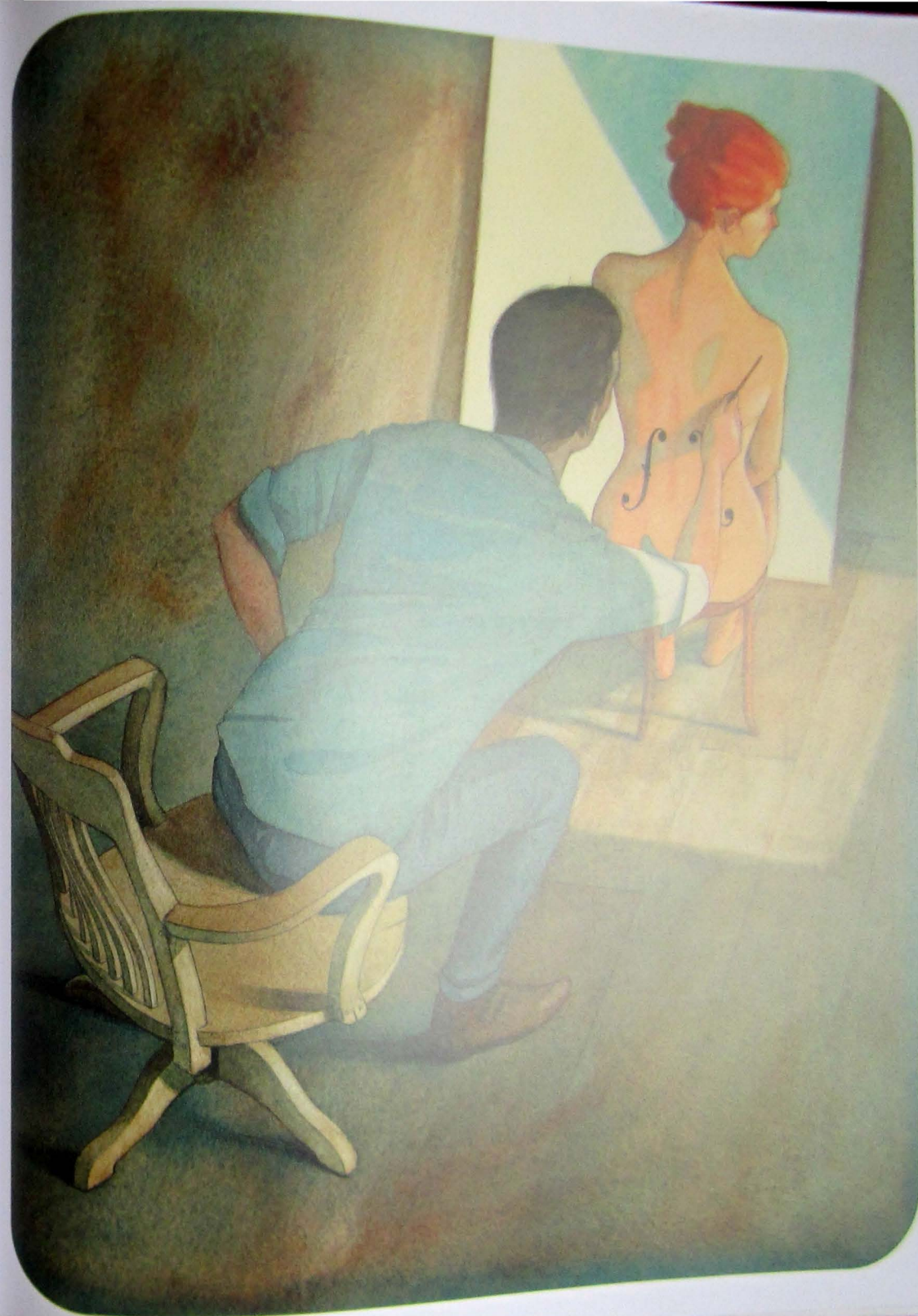
Жизнь круто изменилась.

В газете утренней
читаю некрологи.
Все, все ушли,
как ты,
и я одна.
Сколько потерь.

Теперь скучаю по твоим причудам.
И я бы рада вывести любое винное пятно,
но мертвым все равно...

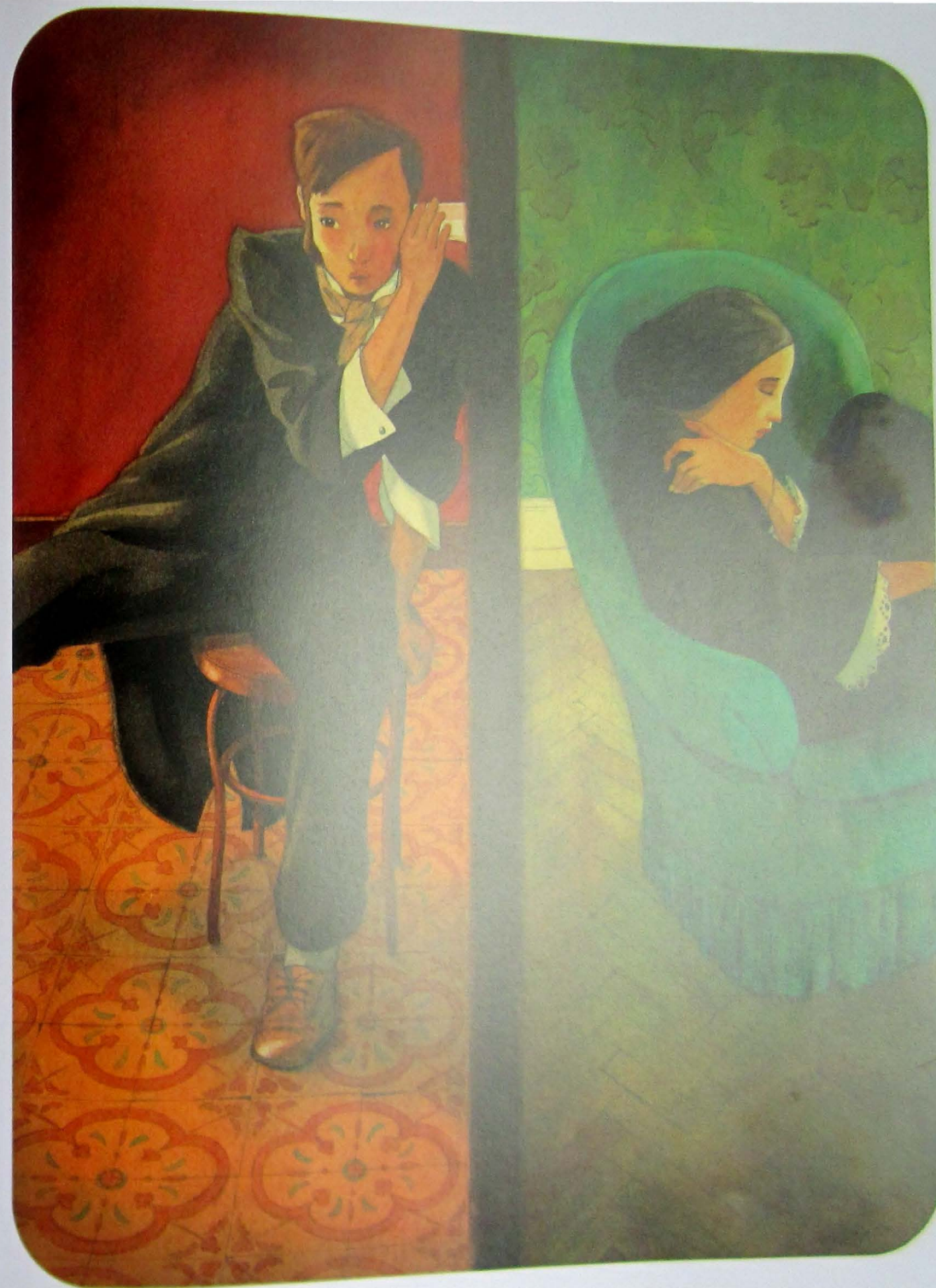
Все говорят, что я красива.
Ты говорил. Ты даже писал.
Но когда ты меня рисовал...
оттуживал все морщинки, все жировые складки...
И это красиво! Но слишком... гладко!
Вчера сделал талию в два раза тоньше!
Сколько можно? Я не хочу больше!
Подарил мне спину одалиски — а я на нее не похожа и близко.
Исправляешь, судишь, все стираешь.
Разве это любовь? Ты ее не знаешь.
Посмотри мне в глаза. Эти «гусиные лапки»
помнят мои улыбки. А ты? Еще помнишь?

Мы поняли давно,
что между нами нерушимая стена.
Но было как-то все равно, мы говорили: не беда!
Мы сами воздвигали эту стену, по кирпичу, не пропуская дней,
наш гнев и страхи, и обиды, и размолвки становились все сильней.
И мы сердились не на шутку, и мы кричали, кто как мог,
и мы смирялись, забывали, мы прощали, снова вспоминали, упрекали,
а стена
тем временем взмывала.
Я думал — перепрыгну, или
разрушится сама.
Но ад, в котором мы себя закрыли,
увы, не делся никуда. Разлучены мы — навсегда.

Остался каждый у стены
со своей
стороны.

И все-таки
мне грустно, одиноко,
я вспоминаю твой веселый смех,
он будто слышится мне издалёка...

Это не платье.
Это лишь красивая упаковка.
Потяни за шнурок — получишь подарок.

Два стога...
Теперь они слушали тишину.
Время, мысли и горести — всё ко дну.
Пять минут абсолютной нирваны.
Это любовь без обмана.

Мы и не представляли, что получим взамен...
Крики, заботы, плач,
детский крем и еще кое-что в придачу...
Два стога, пять минут тишины,
девять месяцев, —
и вот мы уже не одни.

Твои глаза меня искали,
твои глаза меня ловили,
ты хмурил брови, ты старался
меня привлечь — что было силы.
Ты улыбался, я сдалась.
Попала птичка в клетку.
И с радостью там заперлась.
Ах! Ох! Какая сладость.
И грех не грех,
когда он в радость.

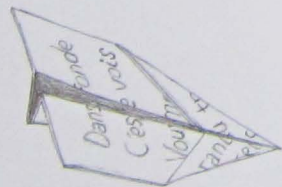
Люблю твои поцелуи.
Люблю аромат твоих губ. Люблю твои руки, они спасают от скуки.
Люблю твои длинные ноги — словно пальмы, они меня пленили, хоть это банально.
Люблю твои шутки, твой талант, люблю твою скромность и такт.
Люблю, когда ты мечтаешь, рисуешь.
Люблю, когда по делам спешишь.
Люблю, когда ты не спишь.
Люблю твою любовь к родным и близким — ты дедушкину старую бутылку виски хранишь. Хотя не пьешь. Свои воспоминания ты никогда не отдаешь.
Люблю твоё любопытство, твои идеи, твой восхитительный вопль: «Я срочно худею!»
Люблю, как ты мне говоришь: люблю.
Люблю, когда ты рассказываешь день.
Люблю видеть рядом с собой твою тень.
Люблю твою нежность, твоё молчанье, люблю все твои чаянья.
Люблю твою хрупкость, твою ироничность, не мужчину. не женщину я люблю — а личность.

Во всех классических романах о любви
твердят одно: «Чтобы мужчину покорить, его надо томить».
«Мы вечно любим не реального героя,
а наше представление о нем,
и мы находим оправдания равнодушию, жестокости,
мы ждем, ревем.
Пылаем страстью к тем, кто нас не замечает,
словно отчаяние — это благодать».
Глава вторая любовного учебника:
«Мы можем лгать! И это даже лучше, чем правдивость.
Не дай вам бог вести себя как человек —
вас бросят тут же и навек!
Не дай вам бог воскликнуть: „Я люблю, я верю!“
Любовник тут же хлопнет дверью.
Живые женщины сейчас не в моде,
поэтому оденьтесь по погоде,
не распускайте волосы, не подпускайте близко,
томите грацией!
Это искусство манипуляции!»

А теперь закройте книги.

Любовь рождается из откровений,
из обещаний и доверья,
я знаю наизусть любимого, а он меня,
нам друг без друга не прожить и дня!
Будь собой,
будь со мной.

18 декабря 1914

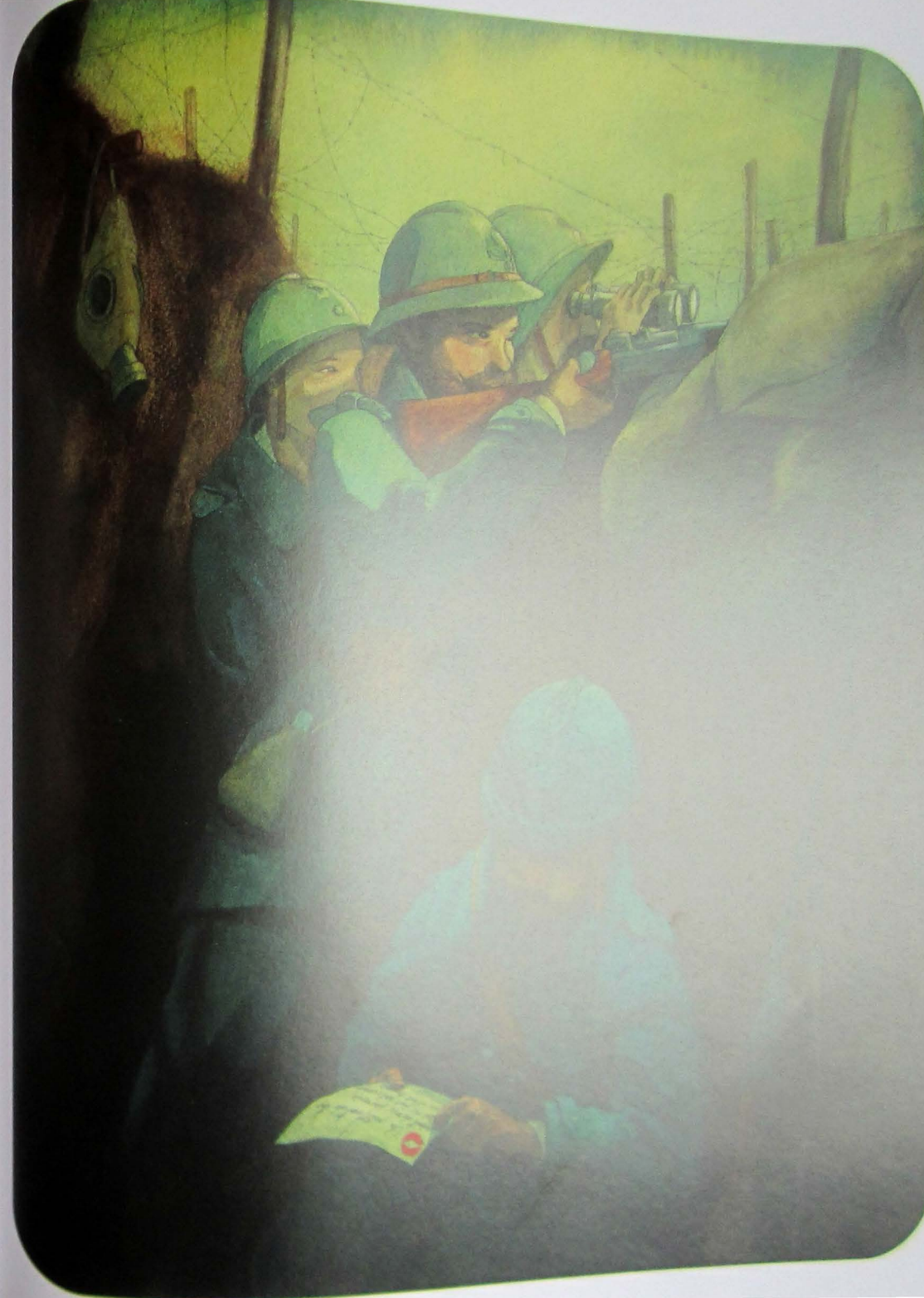
Мой Огюстен,

сегодня утром мне было очень грустно:
наш розовый куст совсем замерз.
И я боюсь, что ты замерзнешь в темноте.
Почти закончила рождественский цветастый плед тебе!
Зачем рассказываю про сюрприз?
Все говорят, что скоро конец войне и никаких реприз!
И праздник будет нашим, я знаю, мой родной,
согрею тебя в объятиях, только скорей домой!
Хочу просыпаться и видеть твою улыбку,
нежиться у тебя на плече, целовать в шею.
Вернись! Вернись! Я без тебя немею...
Ну, не буду рассказывать все новости, перечислять все приветы,
тетушке, братьям — всем интересно, где ты.
Они уже готовы к встрече, кинутся к тебе роем.
А я умоляю: не будь ты таким героем,
побереги нашу любовь.
Она не завянет от мороза.

Твой цветок,
Маргарита Требюшон

Словами «Твой цветок, Маргарита Требюшон» заканчивается реальное письмо к фронтовику. Но не к Огюстену Жозефу Луи Требюшону: этот пацан не был женат. Старший среди своих братьев-сирот, он родился 30 мая 1878 года. Сероглазый блондин ростом 1,61 м. Во время мобилизации его призвали в пехоту. Четыре года Огюстен провел на фронте, а 11 ноября 1918-го в 10:55 утра пуля пробила ему голову. Он умер за пять минут до перемирия, став одним из последних убитых в той войне французов. В коммуна Ретонд в его честь назван сад. Надеюсь, там посадили маргаритки...

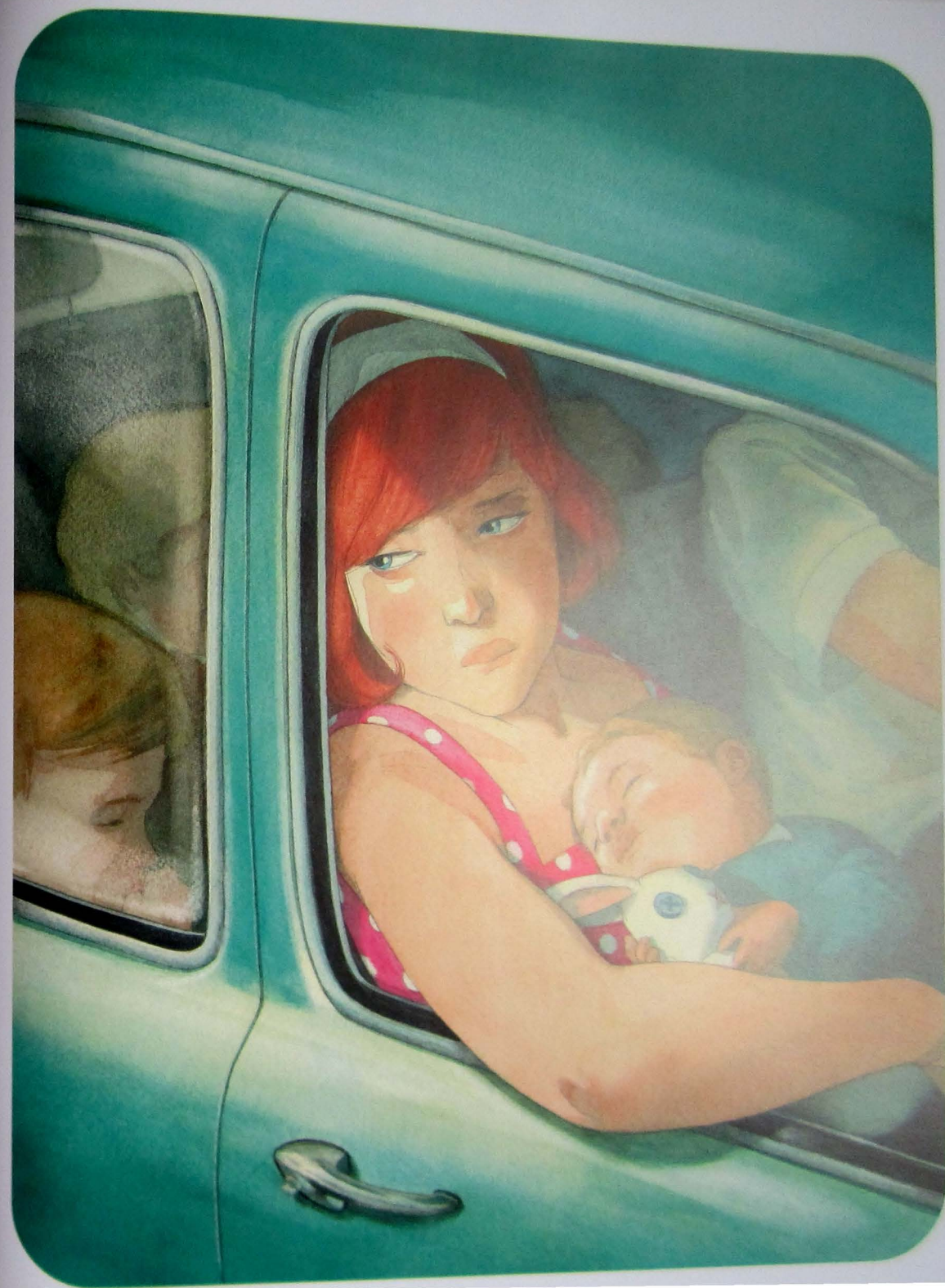
«Почему мы никогда не целовались?» —
«Мы были свободными в разное время». —
«Да-а... Кстати, есть планы на ближайшие двадцать лет?»

Стою один перед толпой,
всегда как каменный, всегда немой
и злой на одиночество, на сердце без любви,
на ледяное тело и на стены. Вот они...
Сжимают. Покоряют. Подчиняют.
И вдруг явилась ты.
И обняла за шею.
Я млею, таю.
Оковы сбросил, вот я ожил.
Я счастлив, что и ты живая — тоже!

Помнишь ли ты, что сегодня суббота?
То-то.
День запок — питье и еда.
А у старшего в два музыкальный урок, как всегда, —
помнишь? Вот и прекрасно!
Послеполуденная сиеста,
стирка. Не получается быть счастливой, мой милый.
И вообще, сегодня... Еще кое-что...
Нет, педиатр через неделю, а мама твоя к обеду
приглашает нас в среду...
А еще счета... И к тому ж...
Вот балбес! Да сегодня у нас годовщина,
господин мой муж!
Не красней, я ведь тоже забыла...
Отметим?
Ты устроишь себе перерыв?
Минут пятнадцать урвем
и останемся просто вдвоем...

Корабль и дымка. Слезы в глазах.
Отчалил любимый — на всех парусах.

Неужели конец?
Нет! Она будет ждать!
А он прижал фото к сердцу.
Как же добавить перца этой истории?
Вот так: их встреча будет случайностью, лет через пятьдесят.
Чувства вспыхнут вновь, взорвутся, как снаряд!
Прекрасная история любви.

Прекрасная? Ой ли?
Полвека ждать и жить воспоминаньем?
Безумие! Сплошные девичьи страдания.

Ну почему страдания? Может, будет все иначе.
Сначала плач, сначала качка — на воде, депрессия — на суше,
потом их души разойдутся. Они забудут о своей любви.
И встретят новую, сердца их вновь зайдутся.
И несколько историй
расскажут нам про несколько любовей.

Ненавижу зонтики! Экая напасть.
Мне совсем не в радость
что-то там держать в руке, не видеть света.
Где мой ковчег из Ветхого Завета?
На самом деле я бы... потанцевала под дождем!
Идем?

Не убирай свой зонтик!

Прижмись ко мне! Какая поза!
И дождь не тронет нас.
И небо сразу станет розовым.
Для поцелуев в самый раз!

Женщины-нимфы,
женщины-рифмы,
женщины покорные,
женщины упорные.
Как часто я вас себе представлял!
Как часто я вас в уме раздевал!
Как часто я с вами уплывал!
Рыжие, блондинки и брюнетки,
все красотки на одно лицо.
Твое лицо.
Лицо сирены.
Мой компас, порт, мой дом родной,
мой свет в конце туннеля,
мой рой воспоминаний.
Мой причал.

Судьба подарила тебя.
Я изучил подарок: улыбка, блестящие волосы,
нежные губы. Белые зубы.
Внутренний голос сказал: Это чудо!
Левое плечо для моей головы, чтобы видеть добрые сны.
И твои шутки-прибаутки, блестящие на платье, хлесткий юмор.
Всё для меня счастье.

Потом появились...
маленькие носики.
Они рассопливились.
Я вытер, но это только начало,
жем на штанах. сломанные куклы — и этого мало,
сказки на ночь, прогулки в саду,
конфеты, тетрадки, музыкальная школа,
первое ду-ду-ду — на флейте.
Дети, не пейте столько колы!
Мы не для того ездим в моллы,
у нас полно соков и молока,
а в ответ: «Папа, ха-ха-ха!»
Вот такой подарок — настоящая семья.
Да еще и, представьте, моя!

УДК 821.133-1 Дельфорж, 161.1
ББК 84(46ел)-5
Д-29

AMOUREUX

Hélène Delforge
Illustrations Quentin Gréban

Перевела с французского Ася Петрова

Дельфорж, Элен.
Д-29 Влюблённые : [стихотворения] / Элен Дельфорж ; перевод с французского: Ася Петрова · художник: Квентин Гребан. —
СПб. : Поляндрия NoAge, 2020. — 64 с. : ил.

ISBN 978-5-6042676-1-5

Amoureux
© 2020 Mijade Publications (B-5000 Namur - Belgium)
Quentin Gréban for the illustrations
Hélène Delforge for the text
© Ася Петрова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Поляндрия NoAge», 2020

Литературно-художественное издание

ВЛЮБЛЁННЫЕ

Элен Дельфорж
Художник Квентин Гребан

Ответственный редактор Юлия Надпорожская
Литературный редактор Мария Пшеничникова
Художественный редактор Юлия Прописнова
Корректор Людмила Виноградова

Подписано в печать 20.03.2020.
Формат издания 270 × 340 мм.
Печать офсетная.
Тираж 6000 экз.
Заказ № 123909.

ООО «Поляндрия NoAge».
197342, Санкт-Петербург,
ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422
www.polyondria.ru
e-mail: noage@polyondria.ru

Страна-производитель — Латвия
Наименование производителя — SIA PNB Print.
Юридический и фактический адрес
производителя —
«Janslii», Silakrogs, Ropozu Novods, LV-2133,
Latvia

Импортер / дистрибьютор —
ООО «Поляндрия NoAge».
Юридический адрес импортера /
дистрибьютора —
Россия, 197342, Санкт-Петербург,
ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422
Наименование и вид продукции —
книжная продукция
Дата изготовления — 20.04.2020
Торговая марка — «Поляндрия NoAge»

В соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей
вред их здоровью и развитию»
маркируется знаком

18+